

Грудь Инь Наня тяжело вздымалась, глаза мгновенно налились кровью — явно от ярости. Он сжал зубы, с трудом сдерживая бушующий гнев, а на губах проступила злобная улыбка:

— Ох, как же мне жаль, что я не могу сравниться с вашим любимчиком, маленьким Хайем. Помню, Лю Цзяжэнь говорил мне, что вы ищете меч для убийства. Если я такой никчемный меч, зачем вы тогда меня выбрали? Просто выбросьте, и дело с концом.

Лю Цзяжэнь, разъяренный, засмеялся:

— Ты действительно не ценишь доброту... Думаешь, я не осмелюсь тебя выбросить?

— Тогда выбросьте, — прищурив глаза, Инь Нань вызывающе поднял лицо. — Попробуйте, посмотрим, действительно ли я тот меч, который можно бросить или использовать по желанию. Мне даже интересно увидеть, как вы, не добившись Цюй Хайяо, сами окажетесь в дерьме. Кстати, Цюй Хайяо и Жун И сейчас очень близки. То, что вы, Лю Цзяжэнь, не смогли заполучить, досталось великому киноимператору Жун И.

Глаза Лю Цзяжэня наполнились яростью. Он приблизился к Инь Наню, стоящему на ступеньке ниже, всё его существо излучало опасность.

— Хватит нести чушь! Ты осмелился притащить передо мной эти бредни, которые выдумывают фанатки? Похоже, ты совсем забыл, что такое страх.

Инь Нань всегда был смелым. Видя, как Лю Цзяжэнь злится, он не испытывал ни капли страха, а наоборот, чувствовал жгучую радость от того, что наконец смог ранить человека, который когда-то унижал его.

— Если фанатки выдумывают, то ты что, не выдумываешь? Ведешь себя, будто ты такой великий и праведный, но на самом деле такой же, как эти «фанатки», — мечтаешь, чтобы он был с женщиной? Они хотя бы близки и на сцене, и за кулисами, а ты кто в его глазах? Всего лишь вонючий выскочка, мечтающий оказаться с ним в постели. Мечтать о том, чтобы быть с ним, или мечтать о том, как они хорошо вместе, — ты в тысячу раз мерзче этих фанаток!

Не успел Инь Нань закончить, как огромная сила схватила его за шею. Он вскрикнул, но прежде чем успел среагировать, его голова с силой ударилась об пол. Боль и головокружение охватили его одновременно, перед глазами поплыли звезды. Он инстинктивно попытался вырваться, но Лю Цзяжэнь был намного выше и длиннее, и Инь Нань на мгновение оказался совершенно беспомощным. А в следующий миг Лю Цзяжэнь снова швырнул его об пол.

Бум! Бум! Бум!

На полу гостиничного номера лежал толстый ковер, иначе эти несколько ударов отправили бы Инь Наня прямиком в реанимацию. Но даже так, каждый удар был тяжелее предыдущего. Когда Лю Цзяжэнь поднял его, Инь Нань был уже полубессознателен, из носа непрерывно текла кровь. Лю Цзяжэнь отвесил ему пощечину и швырнул обратно на пол.

— Сволочь! Как ты смеешь говорить такое мне в лицо? Верить, что я могу сделать так, что ты живым из этой комнаты не выйдешь?

Инь Нань, полубессознательный, лежал на полу, свет потолочной лампы резал глаза. В ушах стоял звон, но слова Лю Цзяжэня он расслышал отчетливо, и, расслышав, засмеялся.

— Выйду ли я живым из этой комнаты... Имеет ли это хоть какое-то отношение к тому,

сможешь ли ты обладать своим возлюбленным? — Он фыркнул, кровь хлынула ещё сильнее. — Даже если ты здесь разорвешь меня на куски, тебе останется только мечтать о нем... Не сумеешь коснуться его даже пальцем. Чем красивее он в твоих фантазиях, тем бесполезнее то, что у тебя между ног...

Голос его был слабым, прерывистым, но это ничуть не помешало ему снова разжечь ярость Лю Цзяжэня, которая только-только начала утихать. Лю Цзяжэнь, уже пьяный, снова и снова наступал на одни и те же грабли, и теперь он чувствовал, как каждая пора его тела пылает огнем. Он смотрел сверху вниз на Инь Наня, распростертого на ковре. У того висок покраснел от удара, всё лицо было в крови, губы распухшие и алые, в глазах застыла дымка от сотрясения, но злобный блеск уже проступал сквозь эту дымку, безудержно расплываясь.

Этот жалкий вид вдруг напомнил Лю Цзяжэню Жун И из Нурегон десятилетней давности — того молодого, красивого, но дикого и грубого, который запросто мог довести человека до полусмерти. Хотя этот мрачный мужчина перед ним был далек от Жун И, его окровавленное лицо и ядовитый взгляд всё же заставили Лю Цзяжэня вспомнить ту ночь, когда он окончательно разругался с Жун И.

Той ночью Лю Цзяжэнь, с бутылкой красного вина, разбитой о его голову, сквозь завесу из вина и крови, стекающей со лба, смотрел на лицо Жун И, которое не сдавалось и не шло на компромисс. И сейчас, глядя на Инь Наня, он видел то же самое выражение непокорности.

Попробуй, кто из нас сделает другому хуже. Жун И тогда, Инь Нань сейчас — оба бросали бомбы в Лю Цзяжэня с тем же бесстрашием, не боясь смерти. Жаль только, что ты, Инь Нань, не Жун И, а нынешний Лю Цзяжэнь больше не тот зеленый юнец, каким был тогда.

Лю Цзяжэнь, уже набравший силу и влияние, ослабился, как демон. В слепящем свете Инь Нань не мог разглядеть его выражения, но почувствовал, как по коже головы пробежали мурашки.

Затем его снова подняли и швырнули на большую кровать в нескольких шагах. Его оглушенный мозг вдруг пронзила догадка, и он изо всех сил попытался подняться, но было уже поздно. Лю Цзяжэнь одной рукой прижал его к кровати, а другой с силой дернул, разорвав пояс из ягненка пополам.

— Лю Цзяжэнь! — Инь Нань беспорядочно ударил кулаком назад. Удар был полон ярости, но после ударов об пол он был слишком слаб. Лю Цзяжэнь легко увернулся и, напротив, скрутил обе руки Инь Наня за спиной. Инь Нань вскрикнул от боли, а затем хрипло выругался.

— Ты посмел! Ты же называл меня шлюхой! Что, теперь ты даже шлюху трахаешь? Ты, сука, так торопишься зачать?

Лю Цзяжэнь безжалостно отвесил ему ещё одну пощечину, заодно разорвав его рубашку на лоскуты. Под ярким светом лампы нежная кожа засверкала белым, непрерывно извиваясь, словно только что пойманная рыба с мелкой чешуей.

Лю Цзяжэнь облизал губы и усмехнулся:

— Кем бы я ни был, ты, сука, которая годится только для зачатия, не имеешь права судить.

Он в два счета раздел его догола, одной рукой мертвой хваткой прижал Инь Наня к кровати, а другой расстегнул свою ширинку и без лишних слов вошел в него.

Эта пытка длилась несколько часов подряд. В середине Инь Нань потерял сознание, но Лю Цзяжэнь снова замучил его до пробуждения. Теперь ему казалось, что и в сознании, и без сознания мир переворачивался с ног на голову, мелькали черные и белые пятна. Когда Лю Цзяжэнь наконец слез с него, Инь Нань остался жив лишь наполовину. Тело будто переехали несколько раз, оно было покрыто синяками, кровоподтеками, следами крови и семени. Он попытался подняться с кровати, но при малейшем движении всё тело пронзила боль, словно все кости переломаны, и он рухнул на пол.

С другой стороны раздался жестокий смех Лю Цзяжэня.

Инь Нань с трудом оперся руками о пол, поднял лицо. Его взгляд перелетел через большую, измятую кровать и устремился на Лю Цзяжэня с ненавистью. Лю Цзяжэнь ничуть не смутился. Он закурил сигарету, повернулся и взглянул на лицо Инь Наня, искаженное кровью и слезами.

— Вот что бывает, когда меня злят, — он неторопливо выпустил дым, чувствуя, как каждая пора его тела вернулась в состояние комфорта. Это чувство удовлетворения, достигнутое через насыщение злобой, было нездоровым, но его это не волновало. В этом мире и так мало комфорта, который можно получить здоровыми способами.

— Что бывает? — Инь Нань хрипло усмехнулся. — Почему ты не говоришь о том, что бывает с твоим возлюбленным? У него сейчас всё идет как по маслу, с поддержкой киноимператора, я не вижу, чтобы с ним случалось что-то плохое. — Горло его пересохло и горело, он вынужден был прерваться, чтобы прокашляться, но тут же сменил выражение лица на ядовитое и продолжил подливать масла в огонь:

— Думаю, ему лучше держаться от тебя подальше. Только тот, кто связался с тобой, ублюдком, получит такой же конец, как я.

<http://bllate.org/book/16304/1471209>